

В следующую секунду экран чата сменился окном вызова. Телефон зажужжал, надрывно вибрируя в руках.

Сун Цзы.

Чи Е пару секунд сверлил взглядом имя на дисплее, прежде чем сдвинуть ползунок и включить громкую связь.

— Приходи ко мне встречать Новый год. Я за тобой заеду.

Сердце Чи Е пропустило удар. Сун Цзы звал его к себе. Одинокий призрак, которому в новогоднюю ночь и приткнуться-то было некуда, внезапно осознал: о нём помнят. Кто-то хочет провести это время именно с ним.

На мгновение Чи Е накрыло такой волной эмоций, что в горле встал ком.

— Я... — начал он, но договорить не успел.

Запертая дверь внезапно распахнулась. Поток тёплого света хлынул в коридор, выхватывая из темноты обшарпанный пол и застывшего у порога Чи Е.

Сун Цзы стоял в проёме. В одной руке он всё ещё сжимал телефон, в другой — дверную ручку. Тот замер, ошарашенно глядя на нежданного гостя.

Чи Е моргнул. Хоть Сун Цзы только что сам пригласил его, вышло неловко: он примчался сюда ещё до того, как его позвали.

— Ну, это... я... — Чи Е замялся, не зная, как объяснить своё мгновенное появление.

Сун Цзы пришёл в себя и тут же широко улыбнулся. Убрав телефон, он кивнул:

— Заходи.

Чи Е неловко спрятал мобильник в карман и, когда Сун Цзы отступил, осторожно вошёл внутрь. Гостиная, залитая ярким светом, была как на ладони. На диване сидел Сун Цзыхэн.

— Здравствуйте, дядя, — поздоровался Чи Е.

— Здравствуй, учитель Чи, — с улыбкой отозвался Цзыхэн.

От этого «учитель Чи» Чи Е предательски покраснел кончиками ушей.

Сун Цзы достал из обувного шкафа пару новых мягких тапочек с задниками и поставил их у ног друга. Ярко-жёлтые, с забавными глазками и ротиком на мысках — выглядели они на редкость мило.

— Надевай эти, в них теплее.

Переобувшись, Чи Е вместе с Сун Цзы уселся на диван. Маленький журнальный столик отодвинули в сторону, а на его место поставили обогреватель. Тёплый свет ламп и жар от прибора создавали в комнате уютную атмосферу.

— Пойду гляну, как там суп, — вспомнил Сун Цзы о готовке и ушёл на кухню.

Как только он скрылся, в гостиной стало как-то пусто. В новогоднюю ночь Чи Е, будучи в этом доме чужим, невольно чувствовал скованность. Он устался на голую стену перед собой, подумав, что телевизор сейчас бы очень пригодился — хоть какой-то шум, чтобы разрядить обстановку.

Сун Цзыхэн заметил его замешательство и мягко спросил:

— До экзаменов осталось чуть больше двадцати дней. Как успехи с подготовкой?

Чи Е никогда ничего не повторял, но признаться в этом отцу друга постеснялся.

— Да нормально вроде.

— Если на зимних каникулах станет скучно, приходи к Цзы-эр, поиграете, — предложил мужчина.

Чи Е кивнул:

— Хорошо.

— Когда Синь-синя избили в школе, учитель Цзян рассказал мне, что именно ты до конца отстаивал справедливость перед завучем. Я давно хотел поблагодарить тебя лично, да всё никак — на стройке сроки поджимали, времени совсем не было. Как закончите семестр, обязательно приходи к нам в гости, я тебя приглашаю официально. Не вздумай отказываться.

Чи Е улыбнулся:

— Да бросьте, пустяки. Синь-синь — мой друг, и если с ним поступают несправедливо, я просто обязан за него заступиться.

В этот момент из кухни вышел Сун Цзы.

— Пап, суп готов.

— Иду, — Цзыхэн поднялся и посмотрел на Чи Е с теплотой. — Посиди пока, я ненадолго отлучусь, помогу на кухне.

Чи Е кивнул.

Цзыхэн подошёл к сыну и негромко сказал:

— Цзы-эр, иди поболтай с учителем Чи, я сам справлюсь.

— Точно один справишься? — уточнил Сун Цзы.

Цзыхэн похлопал его по плечу:

— Это всего лишь поздний ужин, не сомневайся в своём отце.

— Если не будешь успевать — зови, — бросил Сун Цзы и быстро вернулся на диван.

Он сел рядом с Чи Е и коснулся его открытой шеи — кожа была ледяной. Чи Е не отстранился, наоборот, тепло ладони друга показалось ему очень приятным.

Сун Цзы пододвинул обогреватель поближе к Чи Е.

— Почему раньше не пришёл?

— Да как-то не подумал... — ответил тот. — А ты что, сегодня без дополнительных занятий?

— Учителя тоже люди, им тоже праздника хочется, — усмехнулся Сун Цзы. Вообще-то урок планировался, но репетитор отменил его в последний момент, пообещав отработать часы на каникулах. Раз вечер освободился, Сун Цзы сразу решил позвать Чи Е.

— Понятно. А что твой папа готовит?

— Бульон на косточке для вонтонов, — Сун Цзы откинулся на спинку дивана, незаметно притираясь плечом к другу.

Вскоре Цзыхэн принёс ужин — три большие, полные до краёв миски.

Глядя на исходящие паром вонтоны, Чи Е не сдержал восхищённого вздоха:

— Вау! Дядя, да у вас талант.

Цзыхэн рассмеялся:

— Всё-таки я человек семейный, без кулинарных навыков никуда. Не стесняйся, если не наешься — добавлю. Вонтоны уже налеплены, забросить в кипяток — дело минуты.

— Хватит-хватит, — заверил Чи Е. — Синь-синь, как же тебе повезло с отцом.

Когда с едой было покончено, Сун Цзыхэн взял на себя мытьё посуды и уборку, давая парням возможность побыть вдвоём. Сун Цзы зашёл в комнату, вынес Чи Е куртку потеплее, оделся сам и потащил его на крышу.

Наверху гулял холодный ветер. С края крыши открывался вид на далёкие высоты, чьи очертания подчёркивала оранжевая неоновая подсветка. До Нового года оставалось десять минут.

— Пришли на крышу мёрзнуть? — спросил Чи Е.

— Отсюда хорошо видно фейерверки, — ответил Сун Цзы.

Чи Е хмыкнул:

— Сказал бы раньше, что хочешь салют. Сходили бы на набережную, я бы тебе такое шоу устроил — всё небо в огнях было бы.

— Но мне кажется... — Сун Цзы помедлил. — Мне кажется, стоять здесь на крыше и смотреть на салют вместе с... тобой — это очень романтично.

— Романтично? — Чи Е озадаченно моргнул. — Неужели любимчик русиста путает значения слов?

Сун Цзы лишь слегка склонил голову, пряча во взгляде мимолётную грусть.

— Хотя... — Чи Е ухватился за перила и начал раскачиваться всем телом, — Наверное, всё правильно. Ни в одном законе не прописано, что «романтика» не может касаться двух парней. И вообще, звучит и правда неплохо.

Грусть в сердце Сун Цзы понемногу развеялась. Он развернулся спиной к парапету и, слегка наклонив голову, стал наблюдать за Чи Е в полумраке.

— Как ты обычно проводил новогоднюю ночь раньше?

— С Янь-янем... — Чи Е запнулся. — Я ведь тебе про него не рассказывал?

— Янь-янь? Звучит очень... близко.

— Он парень вообще-то, чего ты ревнуешь? — Чи Е замер и замолчал, глядя куда-то вдаль.

Сун Цзы промолчал в ответ.

— Янь-янь — мой друг детства. Все те годы, когда мама не возвращалась домой на праздники, я проводил у него. Его родители относились ко мне как к родному сыну, а мы сами были друг другу как братья, — Чи Е погрузился в воспоминания. — Вместе в садик, вместе в начальную школу, вместе в среднюю... Он с детства был слабым, часто болел. Если его кто-то обижал, я всегда давал сдачи за двоих. Из-за вечных больничных оценки у него просели, и после девятого класса он попал в Первую среднюю. Раз он пошёл сюда, то и я пошёл. Он уговаривал меня выбрать школу получше, мы даже разругались из-за этого в пух и прах. Но в итоге я всё равно пришёл за ним — в наш 18-й класс.

На этом месте он замолк. Он смотрел с глубокой болью. Смерть Цюй Яньцю стала для него первым столкновением с небытием. Судьба вырвала огромный кусок из его юности, оставив после себя лишь горькое сожаление и вечный страх перед расставанием.

— Что за болезнь? — тихо спросил Сун Цзы.

— Рак мозга, — Чи Е поджал губы, глядя на огни внизу. — Судьба — та ещё сука. Он был совсем ребёнком, за что ему это? Только когда его не стало, я понял, почему он так не хотел, чтобы я шёл в Первую школу. Он знал. Знал, что не дотянет до выпуска, и боялся, что я останусь здесь один.

Сун Цзы посмотрел на беззвёздное ночное небо. Когда что-то по-настоящему ценишь, терять это невыносимо больно. Он медленно поднял руку и положил её на плечо друга, сочувственно сжав его.

— Каким он был?

Чи Е, не в силах сопротивляться внезапному порыву нежности, придвинулся ближе и положил голову на плечо Сун Цзы. Глядя вдаль затуманенным взглядом, он негромко проговорил:

— Очень милым. Красивее любой звезды. Хрупким таким, его постоянно хотелось защитить. Добрым до глупости, любой прохожий мог его обмануть. Для взрослых он был идеальным ребёнком — послушным и правильным.

— На каникулах съездим к нему? — предложил Сун Цзы.

Чи Е понурился:

— Не получится. Янь-янь мечтал поступить в Цзинчэн, начать там новую жизнь... После похорон его семья переехала туда. Мы почти перестали общаться.

Сун Цзы слегка развернулся и обнял Чи Е, прижимая его к себе. Одной рукой он обхватил его за плечи, другой мягко коснулся затылка.

— Цзинчэн так далеко... Увидеться с ним теперь не так-то просто.

— Пока ты помнишь о нём, он всегда рядом, — прошептал Сун Цзы. — Возможно, жизнь обошлась с ним несправедливо: дала шанс и отобрала его в самый расцвет. Но он не умер по-настоящему. Он жив, пока жива память о нём в сердцах близких.

Чи Е поднял голову. Из-за слёз лицо Сун Цзы казалось размытым.

— Знаешь, Синь-синь...

— М? — Сун Цзы посмотрел ему в глаза.

— Пообещай мне каждый год проходить медосмотр. Чтобы если что — сразу лечить.

—...

Сун Цзы не нашёл, что ответить на это.

В следующую секунду ночное небо взорвалось первым залпом. Вспышка фейерверка на мгновение осветила их лица. Снаряды взлетали один за другим, и грохот разрывов заполнил всё пространство вокруг.

Сердце Сун Цзы колотилось часто и неистово, но этот стук утонул в шуме.

Чи Е моргнул и, опустив голову, прижался ухом к груди друга. Сквозь плотную ткань зимней куртки он отчётливо слышал этот бешеный ритм.

— Синь-синь.

— Что?

— У тебя сердце так колотится!

— С Новым годом.

***

Вернувшись в комнату, Чи Е стянул куртку и свитер, натянул осеннее худи, которое нашёл для него Сун Цзы, и ушёл умываться. Когда он закончил, в душ отправился хозяин дома.

Была уже глубокая ночь. Обычно в такое время Чи Е спал без задних ног, но сегодня — в первый день нового года — сна не было ни в одном глазу.

Он привалился к изголовью кровати, собираясь сыграть партию в игру, как вдруг зазвонил телефон. Мама.

— Ни-ни, ты не дома?

— У друга.

— В новогоднюю ночь сбежал к друзьям? Как некрасиво. Мама не вернётся завтра, я переведу тебе двадцать тысяч на карманные расходы, купи себе чего-нибудь вкусного, развлекись на выходных.

— А на китайский Новый год приедешь? Если нет — я тоже останусь у друга. Он и его папа мне очень рады.

— Ну как же, на праздник я обязательно приеду к моему Ни-ни. Кстати, как зовут твоего друга? Мама должна поблагодарить его за то, что приютил моего бедного мальчика.

— Ладно, Директор Чи, давай закругляться, у меня зарядка садится.

— Ни-ни, ты...

Чи Е сбросил вызов. Когда Сун Цзы вышел из ванной, он уже отложил телефон и похлопал по матрасу рядом с собой:

— Синь-синь, иди скорее спать.

Сун Цзы выключил свет. Одно окно он закрыл плотно, второе оставил на микропроветривании. Забравшись под одеяло, он почувствовал, как Чи Е тут же придвинулся ближе.

— Сменил гель для душа?

— Угу, в супермаркете была акция, взял на пробу.

Чи Е бесцеремонно просунул ладонь под край футболки Сун Цзы, нащупывая рельеф пресса. Он медленно провел пальцами по мышцам.

— Вау! Настоящий пресс!

Сун Цзы перехватил его руку:

— Хватит, у тебя пальцы ледяные.

— Дай потрогать, я сто лет не щупал такой рельеф. Потерпишь, не сахарный.

Так Чи Е и уснул, не убирая руки с живота друга. А вот Сун Цзы сон не шёл. Он лежал на спине, глядя в пустоту потолка, и позволял чувствам, которые так тщательно скрывал днём, беспрепятственно заполнять ночную тишину.

Чи Е был совсем рядом. Но Сун Цзы не чувствовал от этого удовлетворения.

Татуировка в виде сердца — прозрачный намёк, который Чи Е не понял. Десять рождественских открыток, из которых он прочитал лишь одну, а остальные засунул в стол и больше не открывал. Но даже если бы он прочитал их все... разве он увидел бы в них нечто большее, чем просто крепкую дружбу?

Для Чи Е он был просто парнем. И даже если Сун Цзы нарисует ему сотню сердец, тот никогда не подумает о любви.